

ФЕНОМЕН «ЧЕРНУХИ» И ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕВЕРНОГО ДИСКУРСА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЯКУТИИ

THE PHENOMENON OF «CHERNUKHA» AND THE TRANSFORMATION OF NORTHERN DISCOURSE IN RUSSIAN LITERATURE OF YAKUTIA

I. Emelianov

Summary. The article deals with the transforming effect of the phenomenon of «chernukha» on the northern literary discourse. The material is the works of V. Shelegov and Y. Chertov, published in Yakutia in 1970–1990's. Sociocultural, social and psychological changes introduced by Perestroika and recorded in the literary texts of «chernukha» are analyzed. The main changes introduced by the «neo-realistic» literature into the socialist realism's northern discourse are singled out.

Keywords: Northern discourse, literature of Yakutia, V. Shelegov, «chernukha», neo naturalism.

Емельянов Игорь Степанович

К.филол.н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (г. Якутск)
krzl@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается трансформирующее воздействие феномена «чернухи» на северный литературный дискурс. Материалом являются произведения В. Шелегова и Ю. Чертова, изданные в Якутии в 1970–1990-е годы. Анализируются социокультурные, социально-психологические изменения, свойственные эпохе Перестройки, зафиксированные в литературных текстах «чернухи». Выделяются основные изменения, привнесенные «неореалистической» литературой в соцреалистический северный дискурс.

Ключевые слова: Северный дискурс, литература Якутии, В. Шелегов, «чернуха», неонатурализм.

В 1980–1990-х годах заметным явлением в отечественной литературе стали произведения, которые довольно быстро получили хлесткое обозначение «чернуха». Это явление, вызванное к жизни различными причинами как собственно эстетической, так и социальной природы, проявило себя в художественной литературе и в других видах искусства. Исследователи находят черты этого феномена в произведениях таких разных писателей как В. Астафьев, Л. Петрушевская, С. Каледин, Н. Коляда и др. Явление «чернухи» получило разноречивое толкование как в литературной критике, осмыслявшей текущий литературный процесс, так и в созданных уже постфактум работах теоретиков и историков литературы. С. Чупринин считает, что произведения «чернухи» близки друг другу прежде всего «установкой на безыллюзорную правдивость в воспроизведении действительности, и общим депрессивным пафосом, и тяготением к стилистике человеческого документа, и воинствующим антиидеологизмом, и повышенной сострадательностью, которая в подавляющем большинстве случаев влекла к надрывной сентиментальности, а то и слезливому мелодраматизму» [6, с. 336]. Появление данного феномена исследователь связывает с неприятием эстетики социалистического реализма, он считает, что «эстетика чернухи исходила из того, что всякое искусство тождественно искусственности, то есть лукавой неправде или сознательному обману» [6, с. 336].

Н. Лейдерман и М. Липовецкий называют это явление «современной «натуральной школой», «неонатурализмом» [4, с. 560], отмечая основное отличие позднесоветской «чернухи» от литературного явления XIX века: «чернуха» конца 1980-х «показала народный мир как концентрацию социального ужаса, ставшего бытовой нормой. Самым непосредственным воплощением темы социального ужаса стал в этой прозе *мотив насилия*» [4, с. 560]. И далее исследователи отмечают, что «чернуха» «поставила под сомнение применимость таких категорий, как «нравственные основы», «духовные корни», к современной народной жизни. /.../ Эта проза выразила ощущение тотального неблагополучия...» [4, с. 561], неблагополучия как социального, так и духовного, психологического. В то же время явление это, как отмечают исследователи, сначала громко заявив о себе и вызвав общественный и литературоведческий интерес, довольно быстро отошло на второй план в литературном процессе, провинциализировалось, став своего рода документом и памятником ушедшей эпохи.

Необходимо добавить, что феномен «чернухи» сыграл свою роль не только в изменении взгляда на действительность, которая, как утверждали адепты соцреализма, правдиво и глубоко отражена в произведениях советской литературы. Неонатурализм не только рисовал новый, не ортодоксальный образ советской действительности, прежде всего в социальном аспекте, но и предлагал существенно измененный образ самого

человека, словно бы полемически противопоставленный расхожим советским типажам «скромного труженика», «передовика производства». Более того, внося, наряду с новым взглядом на социум и человека, заметные изменения в привычный тематический багаж советской прозы (в том числе за счет обращения к «неудобным», ранее запретным темам — социология кладбища, армейская дедовщина, быт и нравы пенитенциарных заведений, изнанка жизни комсомольских аппаратных работников и т.д.), «чернуха» в итоге способствовала изменению самого дискурса позднесоветской и современной российской прозы. Проанализируем, в частности, трансформирующее воздействие эстетики «чернухи» на сложившийся в советской литературе дискурс о Севере на примере русской литературы Якутии.

Литературные произведения, характеристики которых вполне соответствуют приведенным выше определениями «чернухи», начинают публиковаться в Якутии на рубеже 1980–1990-х годов. Наиболее наглядно трансформация северного дискурса отражена в рассказах и повестях Валерия Николаевича Шелегова. В. Шелегов родился в 1953 году, долгое время работал в Якутии и на Чукотке, стал активно печататься во второй половине 1980-х годов. В своих произведениях он отразил самый, может быть, сложный и неоднозначный период современной истории России, показал, как социально-политические и экономические процессы отражались в жизни и сознании человека. В его произведениях тема Севера, которая была широко представлена в советской литературе с 1930-х годов, начинает рассматриваться с нового, «неонатралистического» ракурса.

В 1992 г. в Якутске был издан сборник В. Шелегова «Зеленый иней». В повестях и рассказах этой небольшой книги запечатлен мировоззренческий сдвиг, который произошел в перестроечное время. Еще совсем недавно, в середине 1970-х годов, на северном материале создавались крупные произведения, развитой жанровой формой, в которой воплощалась северная тематика, наряду с рассказом и повестью был так называемый «производственный» роман. Черты его появлялись как в незаурядных произведениях, например, в «Территории» О. Куваева (1975), так и в более скромных по своим художественным качествам сочинениях. Именно в текстах не «первого ряда» проступали наиболее наглядно шаблонные черты соцреалистического «производственного» северного дискурса: трудовые будни, зачастую осмысляемые как форма подвига, сплетались с перипетиями личной жизни персонажей, более или менее психологически убедительно нарисованной писателем. В качестве примера такого рода сочинений назовем произведения Юрия Алексеевича Чертова (1934–1998): повести «За синим перевалом», «Полет в облаках», «Одинокий волк», роман «Четвертый директор» и др. В них,

в соответствии с соцреалистическим канонem, изображались производственные и семейные отношения героев, действие разворачивалось в чиновничьих кабинетах, на рудниках и на северных трассах-«зимниках», осуждалось, как писала советская критика, «бескрылое, формальное отношение к труду» [2, с. 108]. Советский северный дискурс предполагал яркие романтические краски. Герой осмыслялся как покоритель суровой природы, приносящий в отдаленные окраины советскую власть (т.е. цивилизацию в советском понимании), труд его наделялся особым смыслом в связи с задачей преобразования природы, изменения окружающего природного и социального ландшафта. Как правило, герой преодолевал некие «привходящие» обстоятельства — отсталость косного традиционного социума и индивида или суровость окружающей среды. Позднее, в 50–70-е годы XX в., когда идея распространения «света новой жизни» в отдаленные уголки страны утратила актуальность, сам пафос борьбы, преодоления все еще оставался значимым в текстах северной тематики. Литературные произведения 1970–1980-х годов воспроизводили шаблонные, устоявшиеся и привычные схемы, уже традиционно связанные с северным дискурсом в советской литературе.

Совсем другую картину запечатлел В. Шелегов. Писатель изобразил жизнь северных поселков накануне периода «великого исхода» их населения «на материк» в результате резко изменившейся социально-экономической обстановки. На первый взгляд, перед нами практически тот же самый жизненный материал, на котором основаны произведения социалистического реализма о трудовых буднях покорителей Севера: карьеры, автобазы, экспедиции, прииски, северные трассы-«зимники». Тот же социальный и профессиональный статус героев: шоферы, старатели, геологи. Однако в произведениях Шелегова, в отличие от повестей Ю. Чертова, передано ощущение заброшенности, запустения и депрессивности, которые охватили отдаленные северные территории. Например, в повести «Чифирик» это ощущение фиксируется так: «Ушла старая колымская рать. Только в памяти таких, как она жила. Ушло и время, будто обвалом небесным его унесло. И несколько лет уже Чифирик возвращался в людские поселения с тревогой и необъяснимой тоской. И не только ему, многим казалось, что привычная жизнь, какой-то вечный жизненный уклад, как залежалая прелая тряпка, неудержимо расплзлся. Будто в один день и час исчезли старые понятия о дружбе и совести. И даже пьянки теперь не спасали: пили молчком, угрюмо и жестоко» [7, с. 24]. Герой повести, многие годы проработавший каюром в геологических экспедициях, в советском «производственном» тексте мог быть представлен в качестве очередного «простого советского человека», обыденно и несуетливо совершающего свой ежедневный скромный трудовой подвиг. Однако в повести «Чифирик» только внешняя «оболоч-

ка», канва жизни героя соответствует показательному образу «советского труженика». На первом плане оказывается судьба человека, который «и сам понимал, что не так прожил, не к тому стремился, не о том мечтал» [7, с. 32]. Чифирок постоянно чувствует «ненормальность» своей жизни, бытовую и личную неустроенность. Отсюда и «необъятная тоска» героя, его беспокойная «зависть о мечте побыть среди нормальных людей» [7, с. 31]. Действительно, та жизнь, которая показана в повести, едва ли соответствует устоявшимся представлениям о «нормальности». Так или иначе почти все персонажи повести оказываются по-своему одиноки, у них такой же убогий быт, такая же запутанная и не счастливая личная жизнь. Нужно отметить, что в целом это характерно и для других произведений Шелегова. Например, таков герой рассказа «Кандыба», которого «зло взяло /.../ на жизнь, на себя, что нет у него по свету белому нигде пристанища, никто не ждет его, кроме старой матери» [7, с. 97]. Таков одинокий герой небольшого рассказа «Визит Клепы Лошади», который «с восемнадцати по лагерям» [7, с. 52]. Характерно в данном отношении, что фокус внимания автора смещен от собственно «производственной» территории, как места свершения трудового подвига, как раз к тому, что окружает героев вне их трудовой деятельности — к баракам, полуразвалившимся балкам, в которых проводят свои дни герои, вспоминая ушедших в мир иной приятелей или несчастливую любовь. В этом неустроенном, полуразрушенном быту автор подчеркивает не столько черты легкого на подъем экспедиционного, «геологического» образа жизни, сколько знаки заброшенности, социального и личного неблагополучия: не воплощенность желаемого, нереализованность мечты, неустроенность не только тела, но и души героев. Тщательно описывая бытовые подробности жизни Чифирка, Шелегов фиксирует обыденную, не парадную, а зачастую и довольно убогую жизнь северных поселков.

Если в произведениях советского периода, например, в «Территории» О. Куваева, балки и их обитатели-«бичи» существовали на периферии нарисованного автором мира, присутствовали в нем, но не определяли собой ни жизненный уклад, ни саму атмосферу куваевского Севера, то в повестях и рассказах Шелегова именно эта, не парадная часть северной жизни оказывается в центре внимания. Смещая фокус изображения, писатель, таким образом, вступает в полемику со сложившейся соцреалистической традицией северного дискурса, с каноном «простого советского человека», «героя- труженика».

Таким образом, рассказы и повести В. Шелегова, и прежде всего «Чифирок», показывают, что уже в 1980-е годы начинается переосмысление и разрушение устоявшихся к тому времени литературных норм, диктовавших воплощение северного дискурса. Разрушаются они как раз

через подчеркнутый «натурализм», когда автор в своем современнике видит и показывает не парадное и героическое, не канонические черты «советского человека», а обыденное, убогое и страшное. Жизнь героя прочитывается, следовательно, не как героическое «вопреки» (обстоятельствам, природе, иным внешним трудностям), а как горькое «вследствие» (прежде всего, вследствие социальных причин). Такой вполне натуралистический дискурс довольно резко выделяет произведения В. Шелегова на фоне литературной продукции, создававшейся в русле советской традиции в Якутии. Символически в этом отношении финал повести, а заканчивается она смертью героя. Собственно, вся фабула произведения заключена между двух событий: сообщением о ликвидации партии, которое «сквознячком обдало душу» героя и его смертью: «Жизнь на земле продолжалась, только уже не было в этой жизни Чифирка — Кондрата Фомича Фролова» [7, с. 49]. В данном отношении показательны сравнение текстов Ю. Чертова и В. Шелегова. Ю. Чертов воспроизводит типичный для соцреализма северный дискурс с обязательным преодолением трудностей, с пафосом нелегкого труда, с выдвинутой в центр произведения этической проблематикой, которая решается в духе советских идеологических установок. Жанровая основа повестей Ю. Чертова — советский «производственный» роман, отражающий, среди прочего, специфику советской экономической реальности с планами, «прорывами», социалистическими обязательствами, их выполнением и перевыполнением. Характерно, что в повестях Ю. Чертова, типичных произведениях позднего периода соцреализма, нет ощущения трагичности человеческого бытия. Все проблемы и противоречия в жизни героев не имеют необратимого, фатального характера. Поэтому даже трагический, по сути, финал повести «Одинокий волк», герой которой — шофер-дальнобойщик, погибает в автомобильной аварии, носит характер нелепой случайности, заставляет не столько задуматься о бренности человеческой жизни, сколько сожалеть о том, что могло бы быть, но, увы, не случилось. Отсюда свойственный, например, этой повести Чертова мелодраматизм, заслоняющий в результате содержащуюся в сюжете драму. Совсем иное в повести Шелегова «Чифирок». Там трагичность не привнесена извне, она как бы вытекает сама собой из безысходности жизни. Смерть Чифирка в повести, как и смерть Зинаиды-Турлычихи не случайность, а трагический и в общем закономерный финал. В мире, изображенном В. Шелеговым, героям, по сути, некуда двигаться, «некуда» дальше жить.

Повести В. Шелегова и Ю. Чертова по-разному акцентируют бытовые подробности. В повестях Ю. Чертова северный быт суров, непритязателен, но не убог. Он существует словно бы сам по себе, как непременный атрибут неустроенного, «скитальческого» быта типичного советского «покорителя Севера» — геолога, буровика,

шофера-дольнобойщика. Этот суровый быт находится в стороне от устремлений самих героев и в этом смысле для них безразличен, это просто «среда обитания», которая не определяет собой внутреннюю жизнь героя. У В. Шелегова бытовые подробности наделяются совсем другим смыслом. Тут быт не существует сам по себе, он становится важной чертой поэтики. Разваливающаяся, распадающаяся, покореженная и неустроенная среда обитания героев повести «Чифирок» коррелирует с их самоощущением, их сознанием, подчеркивает жестокий слом их жизни, не оставляющей надежды на изменения к лучшему. Более того, оказывается не воплощенной даже слабая, действительно последняя надежда Чифирка прибиться к спокойному берегу, зажечь «человеческую жизнь», хотя бы в самом ее конце. В повести Ю. Чертова «Одинокий волк» возможность реализации какой-то другой, новой жизни для героя вполне реальна: та концепция мира и человека, которая выражена в повести, не только допускает, но в каком-то смысле и предполагает такое «перерождение» героя как закономерное и необходимое. А вот трагическая гибель героя — случайность, а не закономерность. Смерть же Чифирка, у которого не осталось уже никого и ничего в жизни, напротив, воспринимается как закономерность. Сам путь героя в холодных пространствах Севера это, как выясняется, путь к последнему, такому же холодному, одинокому пристанищу.

Таким образом, повесть В. Шелегова, впервые опубликованная в 1984 году, довольно точно отразила настроение времени. Идеалы, рожденные советской эпохой, советские ценности уже значительно обветшали к середине 1980-х годов. В качестве эпиграфа к повести «Чифирок» использованы слова О.М. Куваева: «История эта — о людях, для которых работа стала религией. Со всеми вытекающими отсюда последствиями: кодексом порядочности, жестокостью, максимализмом и божьим светом в душе» [7, с. 23]. Казалось бы, эпиграф связывает Чифирка с миром куваевского Севера, с убедительной художественной силой изображенном в романе «Территория». Однако при более пристальном взгляде все оказывается несколько сложнее. В самом деле, является ли работа «религией» для Чифирка? Нет, не является. Работа для героя не религия, а монотонная, часто изнурительная обыденность. Если герои О. Куваева находили в работе смысл жизни, не представляли себя без нее, то герой В. Шелегова не в ней видит смысл. Работу свою он, каюр, выполняет едва ли не как выючное животное. Таким образом, повесть оказывается внутренне полемичной по отношению к своему эпиграфу. Между ними возникает не случайное противоречие, отражающее изменения, которые произошли в советском обществе за десять лет, прошедших с публикации куваевской «Территории». В. Шелегов чутко зафиксировал эти изменения в своих произведениях на такую при-

вычно героическую для советской литературы северную тему. Для героев рассказов и повестей В. Шелегова работа уже не наполнена неким высшим, почти сакральным смыслом. Представления о «кодексе порядочности» и жесткая «северная» мораль давно подверглись коррозии. На Север приезжают не за смыслом жизни, северной романтикой, как у О. Куваева, а за большими деньгами. Наряду с разрухой бытовой, социальной писатель показывает и разруху духовную, неудовлетворенность тем, что предлагает человеку убогая жизнь. Финальная катастрофа не как случайность, а как некий закономерный итог не сложившейся жизни, не реализовавшихся надежд завершает повесть «Чифирок», рассказы «Кандыба», «Смотрины». В текстах В. Шелегова зафиксирована смерть «куваевского» героя: ему нет места в новой «натуральной» реальности.

Очевидно, что причиной столь значительных трансформаций являлись процессы, которые происходили в советском обществе накануне и в период реформ середины и конца 1980-х годов. Уже к началу этого десятилетия советская идеология основательно обветшала. Еще в начале 1970-х на ее основе, пусть и с существенными изменениями, можно было создавать высокохудожественные литературные произведения, свидетельством чему является все та же «Территория» О. Куваева. Однако в дальнейшем такое «оживление» закостеневшего северного дискурса в рамках соцреализма уже практически никому не удавалось, не случайно именно этот роман остался в памяти как особняком стоящий текст. В 1970–1980-е годы северная романтика с ее знакомой и, для советского читателя, «знаковой» фактурой, выхолощивается, становится обыденностью, морально-этический накал и страстность заменяются мелодрамой. Именно эти черты можно отметить в текстах Ю. Чертова, хотя в них еще живо то, что в данном контексте можно назвать «памятью жанра». Именно она заставляет автора воспроизводить коллизии из жизни персонажей мелодрамы в псевдоромантическом духе: такова устоявшаяся в соцреализме традиция разворачивания дискурса о Севере. В рассказах и повестях В. Шелегова процесс распада советского дискурса о Севере уже фактически завершен. Для автора важно не воспроизвести набор литературных штампов, а, отбросив их, пробиться к реальности, к «натуре». Однако феномен «чернухи» предполагает, что вместе с «преодолеваемыми» соцреалистическими штампами оказывается в некотором смысле преодоленной и старая система ценностей, и сам соцреализм. Л. А. Булавка выделяет в социалистическом реализме принцип *разотчуждения* действительности как «всеобщий момент данного метода» [1, с. 101]. В. Шелегов фиксирует как раз обратное — процесс тотального *отчуждения*: социального, межличностного, бытового. Действительность последнего десятилетия «развитого социализма» окончательно выхолостила аксиоло-

гические максимы. Система ценностей, формирующая отношение человека к обществу и к самому человеку, перестала соответствовать действительности. Этический «фокус», соответственно, смещается от постулируемого к имеющемуся в наличии, к самой кризисной позднесоветской действительности. Поэтика «чернухи» как раз и позволяла по-новому взглянуть на обычные, примелькавшиеся вещи, вывести их из привычного автоматизма восприятия. Тогда в «простом советском человеке» начинали проступать совсем не советские и далеко не простые черты, советская еще действительность оборачивалась своей непривычной, пугающей и не парадной стороной. Дело тут даже не в столько том, что такие писатели как В. Шелегов обращались к неизведанным ранее темам или неисследованному материалу, сколько в новом ракурсе их восприятия и освещения. Это приводило не только к изображению неприглядных сторон действительности, но и к существенной трансформации самого дискурса, связанного с северной тематикой. Если в советской литературе Север был местом осуществления советской «утопической мечты» о новом человеке и новом обществе, новом, преобразованном волей человека пространстве, то в позднесоветское время ситуация меняется. Север теперь осмысливается как пример неудачи советского проекта, тщетности и бессмысленности усилий как всего общества, так и отдельного человека. Социалистическая этика оказывается неработоспособной в том стремлении к новой, «натуральной» правде, которую ищут писатель и его герои. В таком случае этика основывается на неких неясных, не вполне артикулированных самим автором позициях. В годы перестройки их стали называть «общечеловеческими», но даже само это определение не точно, расплывчато. В произведениях «чернухи» герои, обстоятельства, ситуации либо оцени-

ваются с этой «общечеловеческой» точки зрения, либо, и довольно часто, не оцениваются вообще, то есть никакая аксиологическая система к ним не применяется. В этом, на наш взгляд, проявляется один из характерных признаков литературы подобного типа.

Характерная черта «чернухи», проявляющая себя в текстах В. Шелегова, это отмеченная С. Чуприниным «повышенная сострадательность». Такое повышено сострадательное отношение к герою практически невозможно представить в произведениях О. Куваева. Сострадательность, «жалостливость» как таковая отсутствует не только у автора, но и, что не менее важно, у героев, которые не жалеют себя и других ради дела. У Ю. Чертова, как было сказано выше, сфера интересов смещается в сторону личного, частного мировосприятия, в сторону мелодрамы, которая вполне оптимистична, как того и требуют шаблоны соцреализма. В текстах же так называемой «чернухи» осмысление неосуществимости, невоплотимости пронизывает рефлексию героя, формирует его мировосприятие. Можно утверждать, что «чернуха» не только отказывается от устаревающей аксиологической системы, но и архаизирует ее. Это не могло не отразиться также и на жанровой мутации северного дискурса. Показательно с этой точки зрения, что в сочинениях В. Шелегова, как во многих произведениях перестроечной прозы, которую принято относить к «чернухе», явственно проступают черты прозы документальной, в рассказах и повестях заметна форма очерка. В художественных текстах появляются признаки «журнализма», автор стремится прежде всего запечатлеть саму действительность, порой почти не анализируя ее художественными средствами. Это объясняет, почему как отдельные тексты так и сам феномен «чернухи» стали памятником прошедшей эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булавка Л. А. Социалистический реализм: превратности метода. Философский дискурс. — М.: Культурная революция, 2007. — 272 с.
2. Комиссарова Т. Мое имя — рабочий // Полярная звезда. — 1979. — № 1.
3. Куренная Н. М. Социалистический реализм. Историко-культурный аспект. — М.: Институт славяноведения РАН, 2004. — 188 с.
4. Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. — Т. 2: 1968–1990. — М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 688 с.
5. Чертов Ю. А. Север мой светлый: Повести. — М.: Современник, 1986. — 224 с.
6. Чупринин С. И. Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям. — М.: Время, 2007. — 768 с.
7. Шелегов В. Зеленый иней. Повести. Рассказы. — Якутск: Кн. изд-во, 1992. — 144 с.

© Емельянов Игорь Степанович (krzl@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»